

Боги, герои и Виланд. Иоганн Волфганг Гете

ФАРС

Меркурий на берегу Коцита в сопровождении двух теней.

Меркурий. Харон! Гей! Харон! Переправь-ка нас на тот берег! Да побыстрее! Эти людишки проняли меня своими жалобами. Плачутся, что трава им промочила ноги и что они схватят насморк.

Харон. Славный народец? Откуда? А! опять той же достойной породы! Им бы еще пожить.

Меркурий. Там, наверху, судят иначе. И все же эта пара пользовалась немалым почетом на земле. Вот — господин литератор, ему недостает только парика и книг, а той мегере — ее румян и дукатов. Что нового на вашем берегу?

Харон. Остерегайся! Они поклялись хорошенько взяться за тебя, если ты им повстречаешься.

Меркурий. Как так?

Харон. Адмет и Алкеста возмущены тобою. Еврипид и того пуще. А Геркулес в порыве гнева обозвал тебя глупым мальчишкой, который никогда не поумнеет.

Меркурий. Я ни слова не понимаю.

Харон. Я тоже. Ты, говорят, снюхался в Германии с каким-то Виландом.

Меркурий. И не знаю такого.

Харон. Мне — что? Но они чертовски взбеленились.

Меркурий. Пусти-ка меня в свою лодку. Хочу переправиться. Должен же я узнать, в чем тут дело?

Переправляются через Коцит.

Еврипид. Неблагодарно так подшучивать над нами. Мы твои старые, испытанные друзья, твои братья и дети, а ты связался с парнями, не имеющими и капли греческой крови в жилах, и теперь глумишься и издеваешься над нами, как будто не всё, что нам осталось, это те крохи славы и уваженья, которые продолжают там, на земле, внушать мальчишкам наши седые бороды.

Меркурий. Клянусь Юпитером, я вас не понимаю.

Литератор. Может быть, здесь речь идет о «Немецком Меркурии»?

Еврипид. Вы оттуда? Вы подтверждаете, стало быть?

Литератор. О да. Они составляют ныне надежду и отраду всей Германии, эти золотые листочки наших Аристархов и Аэдов, которые разносит посланник богов.

Еврипид. Слыхали? А со мной сыграли прескверную шутку эти золотые листочки.

Литератор. Это не совсем так. Господин Виланд только объяснил, что он был вправе написать и после вас свою «Алкесту» и что, если ему и удалось избежать ваших ошибок и сообщить пьесе — по сравнению с вами — больше красот, то виною тому — ваш век и его образ мыслей.

Еврипид. Ошибки! Вина! Век! О ты, высокий и величавый свод беспредельного неба! Что с нами случилось? Меркурий, и ты с ними заодно?

Меркурий. Так можно и до столбняка довести!

Алкеста (входит). Ты в дурном обществе, Меркурий! И я не займусь его улучшением. Фу!

Адмет (входит). Меркурий! Этого я от тебя не ожидал.

Меркурий. Говорите понятнее, иначе я уйду. Что мне делать с бесноватыми?

Алкеста. Ты как будто поражен? Так слушай же! Мы шли недавно, мой супруг и я, роцфй, по ту сторону Коцита, где, как ты знаешь, образы сновидений движутся и говорят, как живые. Некоторое время мы стояли, дивясь этим призракам, как вдруг я услышала свое имя, произнесенное пренеприятным голосом. Мы обернулись, и нашему взору открылись две нудные, жеманные, тощие, бледные куклы; они называли друг друга «Алкеста», «Адмет», были готовы умереть друг за друга, звенели голосочками, словно птички, и под конец с жалобным писком исчезли.

Адмет. Смешно было смотреть. Но мы ничего не понимали, покуда недавно не спустился сюда молодой студиозус и не сообщил нам великую новость: некий Виланд, не спросясь, оказал нам честь, подобно Еврипиду: выставил на позор перед народом наши маски. И студиозус прочел на память всю трагедию, с начала до конца. Этого, однако, никто не выдержал, кроме Еврипида, которого на то подвигло его любопытство и то, что он все же был в достаточной мере автором.

Еврипид. Да, и что всего хуже, говорят, будто он в тех самых листочках, которые ты разносишь по домам, добавок перевозносит свою «Алкесту», мою же хулит и осмеивает.

Меркурий. Кто этот Виланд?

Литератор. Надворный советник и воспитатель принцев веймарских.

Меркурий. Да будь он воспитателем самого Ганимеда, мы и тогда притянули б его к ответу. Теперь как раз ночь, и моему жезлу будет нетрудно вызвать его душу из ее телесного вместилища.

Литератор. Мне будет очень приятно познакомиться со столь великим мужем.

Тень Виланда появляется в ночном колпаке.

Виланд. Оставьте нас, милый Якоби.

Алкеста. Он говорит во сне.

Еврипид. Но все же видно, с какими он знается людишками.

Меркурий. Опомнитесь-ка! При чем здесь Якоби. Скажите, как обстоит дело с Меркурием, вашим Меркурием, «Немецким Меркурием»?

Виланд (жалобно). Они его перепечатали у меня.

Меркурий. Нам-то что до того? Итак, дарю вам слух и зрение.

Виланд. Где я? Куда увлекло меня сновиденье?

Алкеста. Я Алкеста.

Адмет. А я Адмет.

Еврипид. Меня вы, может быть, узнали?

Меркурий. Откуда бы? Это — Еврипид, а я Меркурий. Что вас так удивляет?

Виланд. Что это — сон? Я все так ясно вижу? А между тем воображение никогда не порождало подобных образов. Вы — Алкеста? С такой талией? Извините! Не знаю, что и сказать.

Меркурий. Вопрос, собственно, вот в чем: почему вы отдали на поругание мое имя и так дурно обошлись со всеми этими честными людьми?

Виланд. Я не знаю за собой никакой вины. Что касается до вас, то вы, казалось бы, могли и знать, что мы, христиане, не обязаны чтить вашего имени. Наша религия запрещает нам признавать и почитать правду, величие, добро, красоту — поскольку они не явлены ею. Поэтому ваши имена и изваяния преданы глумлению и разбиты. И, уверяю вас, греческий Гермес, каким изображают его мифологи, даже и не возникал в моем воображении. Когда произносишь ваше имя, так ровно ни о чем не думаешь. Это все равно, как если бы кто сказала: «Rescue!», «portfolio»[1].

Меркурий. Но это как-никак мое имя.

Виланд. А не случилось ли вам мимоходом видеть на табакерках ваш образ с крыльями на челе и ногах, посаженный на тюк или бочку, с жезлом, увитым змеями, в руке?

Меркурий. Он прав. Я отказываюсь от тяжбы с вами. Вы же, остальные, впредь оставьте меня в покое. На последнем маскараде, как мне известно, присутствовал один знатный дворянин который, напялив поверх своих штанов и жилетки телесного цвета трико, возомнил, что сможет при помощи крыльев на челе и подошвах выдать свое тело, жирное, как у саламандры, за стан Меркурия.

Виланд. Совершенно верно. Я так же мало думал о вас, как мой изготовитель виньеток — о вашей статуе, хранящейся во Флоренции.

Меркурий. Так пребывайте же в здравии. Вы же, надеюсь, убедились, что сын Юпитера еще не настолько обанкротился, чтобы связываться со всякими людишками. (Уходит.)

Виланд. Итак, я откланиваюсь.

Еврипид. Нет, позвольте. Нам еще предстоит осушить с вами стаканчик.

Виланд. Вы — Еврипид, и в своем уважении к вам я расписался публично.

Еврипид. Много чести! Но, спрашивается, в какой мере ваши творения дали вам право отзываться дурно о моих? Написать пять писем, чтобы не только заверить ваших кавалеров и дам в преимуществах вашей драмы, столь посредственной, что даже я, опороченный вами соперник, чуть не уснул за ее чтением (о, это было бы еще простительным!), но и изобразить к тому же доброго Еврипида неудачливым соискателем славы, у которого вы во всех отношениях оттягали первенство?

Адмет. Скажу вам правду: Еврипид — тоже поэт, а я во всю свою жизнь не ставил поэтов выше, чем они того заслуживают. Но он —

достоинный человек и наш соотечественник. И вы все же должны были бы смекнуть: не лучше ли, чем вам, удастся вызвать тени Адмета и Алкесты мужу, родившемуся в год, когда Греция осилила Ксеркса, слившему другом Сократа, мужу, чьи драмы так сильно воздействовали на весь его век, как едва ли это удастся вашим? Это заслуживало бы более благоговейного уважения, на которое, впрочем, ваш мудрствующий век литераторов даже и не способен.

Еврипид. Только тогда, когда окажется, что ваши драмы сохранили жизнь такому же множеству людей, как мои, только тогда вы имели бы право говорить подобным образом.

Виланд. Моя публика, Еврипид, — не ваша.

Еврипид. Не в этом дело! Я говорю о моих ошибках и промахах, которых вы будто бы избегли.

Алкеста. Я скажу вам как женщина, которая не скажет ни одного лишнего слова. Ваша «Алкеста», может быть, и хороша, и способна позабавить ваших мужчин и бабенок, а то и пощекотать их или «растрогать», как называется это у вас. Но я от нее сбежала, как шарахаешься от расстроенной цитры. Еврипидову же «Алкесту» я прослушала до конца и местами ей радовалась, а иногда и улыбалась.

Виланд. Государыня!

Алкеста. Вы могли бы знать, что государыни здесь ничего не значат. Мне хотелось бы, чтобы вы почувствовали, сколь счастливее вашего был Еврипид в изображении нашей судьбы. Я умерла за мужа. Где и как? — не в этом дело. Дело в вашей «Алкесте» и в «Алкесте» Еврипида.

Виланд. Можете ли вы отрицать, что я изобразил все куда деликатнее?

Алкеста. Что это значит? Хватит и того, что Еврипид знал, почему он ставит «Алкесту» на театре. А вы — нет. К тому же вы не сумели передать всего величия жертвы, которую я принесла супругу.

Виланд. Что вы хотите сказать?

Еврипид. Дайте я ему все растолкую, Алкеста. Смотрите, вот мои ошибки. Молодой царь, во цвете сил, умирает посреди всех благ счастья. Двор, народ — в отчаянии потерять его, добросердного, доблестного; Аполлон, тронутый общим горем, предлагает паркам принять взамен его смерти добровольную смерть другого. И вот — все притихло: и отец, и мать, и друзья, и народ — все. А он, уже томясь смертельной тоской, озирается кругом в надежде прочесть готовность в чьих-либо глазах, и повсюду молчанье, пока не вызвалась она, единственная, готовая пожертвовать своей красотой и силой и сойти за него в безнадежную обитель смерти.

Виланд. Все это имеется и у меня.

Еврипид. Не совсем. Ваши люди все — словно члены одной большой семьи, которой вы дали унаследовать «человеческое достоинство» — абстрактное понятие, изобретенное вами, поэтами, копошащимися в нашем мусоре. Все они друг на друга похожи, как куриные яйца. И вы из них состряпали самую незатейливую болтушку. У вас имеется жена, готовая умереть за мужа, муж, готовый умереть за жену, герой, готовый умереть за них обоих. Не остается ничего другого, как вывести скучнейшую Парфению, которую всем было приятно извлечь, как барана за рога из кустарника, чтобы покончить с этой канителью.

Виланд. Вы смотрите на все по-другому, чем я.

Алкеста. О, в этом я не сомневаюсь! Но скажите мне: чем был бы подвиг Алкесты, если бы муж любил ее больше жизни? Человека, все счастье которого заключается в его супруге (а таков ваш Адмет), поступок Алкесты вверг бы в дважды горчайшую смерть. Филимон и Бавкида испросили себе одновременную кончину. Клопшток (а он у вас все же более всех остальных похож на человека) заставляет своих любящих соперничать — «Дафнис, я умру последней!» Стало быть, Адмету хотелось жить, очень хотелось, или я — не так ли? — была лицедейкой, ребенком? Довольно! Делайте из меня, что хотите.

Адмет. И Адмет, который вам так противен, потому что он не хочет умереть... Пробовали ли вы умирать? Или когда-нибудь были вполне счастливы? Вы рассуждаете, как щедрый нищий.

Виланд. Только трус страшится смерти!

Адмет. Геройской смерти — да, но смерти обыденной страшится каждый, даже герой. Таков закон естества. Или вы думаете, я дрожал бы за свою жизнь, отбивая от врагов супругу или защищая свои владения? И все же...

Виланд. Вы говорите, как люди другого мира, — на языке, слова которого я слышу, смысла же их не понимаю.

Адмет. Мы говорим по-гречески. Или этот язык вам так непонятен? Адмет...

Еврипид. Вы позабыли, что он принадлежит к секте, которая желает уверить всех страдающих водянкой, прокаженных, увечных, будто по смерти их сердца станут тверже, дух — отважнее, костяк — тяжелее. Он в это верит.

Адмет. Ах, только притворяется! Нет, вы еще в достаточной мере человек, чтобы перенестись в Еврипидова Адмета.

Алкеста. Подумайте и расспросите вашу жену.

Адмет. Молодой, счастливый, благодушный государь, принявший от отца державу и казну, стада и угожья; он жил среди изобилия, наслаждался им, был полн своим счастьем, но желал, чтобы и другие наслаждались вместе с ним благами жизни, и, конечно, находил на то много охотников. Не устававший дарить, всех любивший и всеми любимый, обретший друзей в богах и людях, за чьим столом и

Аполлон забывал о небе, как мог он не хотеть жить вечно? И у него была жена.

Алкеста. И у вас она есть, и вы этого не понимаете? Мне хотелось бы объяснить это той черноглазой девочке. Прелестная крошка, ты готова меня выслушать?

Девочка. Конечно.

Алкеста. У тебя был любовник?

Девочка. Ах, да!

Алкеста. И ты любила его всем сердцем? Так что в иной час чувствовала желание умереть за него?

Девочка. Ах, из-за него я и умерла! Нас разлучил враждебный рок, и я не надолго пережила разлуку.

Алкеста. Вот вам — ваша Алкеста. Теперь скажи мне, милая крошка, были ли у тебя родители, сердечно любившие друг друга?

Девочка. По сравнению с пашей их любовь была только тенью. Но они от всего сердца друг друга уважали.

Алкеста. Как ты думаешь, если твоей матери грозила бы смертельная опасность, а твой отец спас бы ее ценою жизни, она приняла бы это с благодарностью?

Девочка. О, несомненно!

Алкеста. И наоборот, конечно! Виланд! Вот вам — Алкеста Еврипида.

Адмет. Ваша Алкеста годится для ребят, Еврипидова — для честных людей, уже схоронивших одну, а то и двух жен. Впрочем, то, что вы потворствуете вкусам аудитории, неизбежно и основательно.

Виланд. Оставьте меня! Вы — грубые люди с извращенными понятиями. У меня не может быть с вами ничего общего.

Еврипид. Нет. Выслушайте еще несколько слов.

Виланд. Но — покороче.

Еврипид. Пяти писем не будет, но материалу на них, пожалуй бы, и хватило. Знайте: то, чем вы так гордитесь — построением и удачным закруглением драмы (благодаря чему становится возможным ее дослушать до конца), — несомненно, требует таланта, но таланта весьма ничтожного.

Виланд. Вы не знаете, какого труда это стоит!

Еврипид. Ну, этим ты достаточно похвально. Но если взглядеться попристальнее, то все это не более, как умение сглаживать и укорачивать природу и жизненную правду с помощью театральных навыков и рутины по не раз подновлявшимся трафаретам.

Виланд. Вы меня не переубедите.

Еврипид. Так наслаждайтесь же своею славой среди своих, а нас оставьте в покое.

Адмет. Успокойся, Еврипид! Те места в его сочинениях, где он глумится над тобою, — только лишние пятна, посаженные им на собственную одежду. Если бы он был умен и смог ценою крови искупить их (равно как и свои комментарии к Шекспиру), он так бы и поступил. Но он притворяется и твердит: «Я ничего не почувствовал...»

Еврипид. Не почувствовал? При чтении моего пролога? А он ли не произведение великого мастера? О, я имею право так отзываться о моих творениях, раз ты похваляешься своими! Ты не чувствуешь ничего, когдаходишь в гостеприимный дворец Адмета...

Алкеста. Он ничего не понимает в гостеприимстве! Разве ты не видишь?

Еврипид. ...и на пороге встречает тебя Аполлон, доброе божество дома, Аполлон, полный любви к Адмету, оттягавший его у смерти и теперь — о, горе! — видящий, как умирает лучшая из жен. Бессильный, он уже хочет уйти, чтобы не запятнать своей чистоты соприкосновением с мертвыми. И вот вступает в дом, вся в черном, с коварным своим мечом в руке, владычица мертвых, извечная сопутница в Орк, неумолимая судьба. Злобно поносит она задержавшегося из сострадания бога и уже грозит Алкесте. И Аполлон покидает дворец и нас. Мы же, вместе с осиротевшим хором, взываем: «О, жил бы еще Эскулап, сын Аполлона, знавший травы и все снадобья! Она была бы спасена — ведь воскрешал же он мертвых!» Но Эскулап сражен перуном Юпитера, не стерпевшего, чтобы кто-либо пробуждал от вечного сна повергнутых во прах его неумолимым приговором.

Алкеста. И ты не сумел перенестись в душевный мир людей, слышавших еще из уст отцов о чудодее, властном над всемогущей смертью? И в тебе не зашевелились желание, надежда, вера, что придет кто-нибудь из его родичей, что явится полубог помочь своим братьям?

Еврипид. И вот он пришел: Геркулес выступает вперед и восклицает: «Мертва! Мертва! Ты увлекла ее, безобразная, черная сопутница, в Орк, ты срезала ее кудри своим мертвящим мечом! Я сын Юпитера и верю в свою власть над тобою! Я подстерегу тебя у могилы, где ты пьешь кровь закланных жертв. Я настигну тебя, владычица смерти, охвачу своими руками, разнять которые не может никто из смертных и бессмертных. И ты отдашь мне жену, Адмета жену дорогою! — или я не сын Юпитера».

Появляется Геркулес.

Геркулес. Что вы тут толкуете о сыне Юпитера? Я — сын Юпитера!

Адмет. Мы, верно, помещали тебе соснуть после выпивки?

Геркулес. А шум из-за чего?

Алкеста. Виланд сюда наведалься.

Геркулес. Где он?

Адмет. Вот он стоит.

Геркулес. Этот? Ну, он достаточно мал. Таким я себе и представлял его. Так вот тот человек, с языка которого не сходит имя Геркулеса!

Виланд (отступая). Нам не о чем с вами говорить, колосс.

Геркулес. Или я тебе казался карликом?

Виланд. Мой Геркулес выступает статным мужчиной среднего роста.

Геркулес. Среднего роста? Я?

Виланд. Если вы — Геркулес, так я имел в виду не вас.

Геркулес. Это мое имя, и я им горжусь. О, я знаю: если какому-нибудь шуту не понравится подпирать свой щит медведем, грифом или свиньей, он останавливает свой выбор на Геркулесе. Мой божественный облик не посещал тебя даже во сне?

Виланд. Признаюсь, я впервые вижу подобный сон.

Геркулес. Так покайся и испроси у богов прощенье за свои комментарии к Гомеру, где мы тебе показались слишком великими! О, разумеется, слишком великими!

Виланд. Воистину, вы чудовищно громадны. Таким я вас никогда себе не представлял.

Геркулес. Чем я виноват, что у него такое узкогрудое воображение. Так кто же он — его Геркулес, которым он так похваляется? И что ему надо? «За добродетель». Что значит этот девиз? Ты видел ее, эту добродетель? Виланд! Я тоже бродил по земле и ничего подобного не видывал.

Виланд. Вы не знаете добродетели, ради которой мой Геркулес всем рискует, совершая свои великие подвиги?

Геркулес. Добродетель? Я это слово услышал здесь, в преисподней, от двух-трех дурашливых парней, которые мне даже не могли истолковать его значения.

Виланд. Этого и я бы не сумел. Но не будем спорить. Мне хотелось бы, чтобы вы прочитали мои стихи. Вы нашли бы тогда, что и я не слишком чу эту добродетель. Добродетель — вещь двусмысленная.

Геркулес. Она — чудовищна, как всякое порождение фантазии, не способное ужиться с естественным ходом вещей. Ваша добродетель мне напоминает кентавра. Покуда он пробегает рысцой по вашему воображению, как он прекрасен! Как статен! И когда изображает его ваятель — что за сверхчеловеческая мощь! Но проанатомируйте его, и вы обнаружите четыре легких, два сердца, два желудка. Он должен был бы умереть в час своего рождения, как всякий урод, или, вернее, он нигде не мог бы родиться, или разве что только в вашей голове.

Виланд. Но добродетель — должна же чем-нибудь быть? Должна же где-нибудь быть?

Геркулес. Клянусь вечной бородою моего отца! Кто ж в этом усомнится? Мне сдается — у нас она обитала в полубогах и героях. Или ты думаешь, мы жили, как скот, потому только, что ваши бюргеры в испуге отрешиваются теперь от времен кулачного права? Среди нас были достойные молодцы.

Виланд. Кого вы зовете достойными молодцами?

Геркулес. Того, кто дает, что имеет. Кто всех богаче, тот и достойнейший. У кого избыток сил, пусть поколотит другого. Но, разумеется, настоящий мужчина не свяжется со слабейшим. Он будет биться с равным или сильнейшим противником. У кого избыток жизненного сока, пусть сделает бабам столько ребят, сколько они пожелают, а то и вовсе не спросившись их. Так я, например, в одну ночь настряпавший пятьдесят мальчишек. А кто не этим богат или кому небо взамен, а то и в придачу, даровало столько добра и скарба, что хватило бы на тысячу душ, пусть откроет двери своего дома, впустит тысячу гостей и пирует с ними. Вот стоит Адмет — он был достойнейшим по этой части.

Виланд. Большая часть перечисленных вами добродетелей в наши дни зовется пороком.

Геркулес. Пороком? Вот тоже хорошенькое словечко! Потому-то у вас все так половинчато, что вы порок и добродетель рассматриваете как две противоположные крайности и мечетесь от одной к другой, вместо того чтобы считать свое срединное положение разумнейшим и

лучшим, как то делают еще ваши братья, слуги и служанки.

Виланд. Обнаружь вы подобный образ мыслей в наш век, вас побили бы камнями. Ведь объявлен же и я мерзким еретиком за мои невинные выпады против добродетели и религии.

Геркулес. Какие тут еще выпады? С конями, людоедами и драконами — с ними я вступал в бой, но с облаками — никогда, какие бы очертания они ни принимали. Облака разумный человек предоставляет развеять ветру, согнавшему их в кучу.

Виланд. Вы — изверг, вы — богохульник!

Геркулес. Что? Это не лезет тебе в башку? Вот Геркулес Продика — это человек по твоему вкусу, Геркулес школьного учителя, безбородый Сильвио на распутии? Нет, повстречай я этих баб, я, уж поверь мне, одной рукой подхватил бы одну, другою — другую и обеих увлек бы за собой. В этом отношении твой Амадис — не дурак, отдаю тебе справедливость.

Виланд. Знай вы мой образ мыслей, вы бы еще и не то обо мне сказали.

Геркулес. С меня довольно. Если бы ты не кряхтел так долго под ярмом вашей религии и учения о нравственности, из тебя могло бы еще что-нибудь получиться. Но — увы! — перед тобою и теперь носятся пустые идеалы. Не можешь переварить, что и полубог способен выпить и быть озорником, не пороча тем самым своей божественности? Ты думаешь, что, — бог мой! — как опозорили парня, уложив его под стол или на солому к девчонке? Все это потому, что ваше преподобие страшится кое в чем сознаться.

Виланд. Я откланиваюсь.

Геркулес. Хочешь проснуться? погоди — еще словечко. Что прикажешь думать об уме человека, который сорока лет от роду смог надеть шумиху и исписать пять-шесть книг о том, как девчонка с холодной кровью спала с тремя или четырьмя парнями, даря любовью каждого по очереди, и как эти парни на это разобиделись, а немного погодя опять пошли на ту же приманку? Я не вижу вовсе...

Плутон (за сценой). Го! Го! Что за проклятый шум у вас за воротами? Геркулес, повсюду только тебя и слышно! Разве нельзя спокойно полежать со своей женой, если это тебе и ей приятно.

Геркулес. Пребывайте в здравии, господин гофрат.

Виланд (просыпаясь). Пусть говорят, что хотят, пусть рассуждают, — что мне до этого.

Комментарии

При всей своей краткости данное произведение чрезвычайно важно для понимания взглядов молодого Гете в период «Бури и натиска». Оно было написано Гете осенью 1773 года за один присест и напечатано в марте 1774 года. Поводом к написанию послужила музыкальная драма Виланда «Алкеста» (май 1773 г.) и опубликованные им в его журнале «Немецкий Меркурий» «Письма другу о немецкой опере «Алкеста». Христофор Мартин Виланд (1733–1813) — выдающийся немецкий писатель-просветитель, автор многочисленных произведений во всех родах литературы, оказал значительное влияние на юного Гете в годы его учения в Лейпциге. Однако в период «Бури и натиска» Гете во многом критически отнесся к Виланду. В автобиографии Гете рассказывает, что недовольство молодежи Виландом было вызвано, в частности, тем, что тот «в примечаниях к своему переводу из Шекспира за многое хулил великого писателя, и притом в словах, очень нас рассердивших... С тех пор Виланд, высоко почитаемый нами поэт и переводчик, которому мы столь многим были обязаны, стал считаться у нас капризным, односторонним и предвзятым критиком. Ко всему, он еще ополчился на наших кумиров, греков, и этим еще разжег нашу неприязнь. Известно ведь, что греческим богам и героям присущи не столько нравственные, сколько просветленные физические свойства, отчего они и служат великолепнейшими прообразами для художников. Виланд же в своей «Алкесте» придал героям и полубогам вполне современный характер... В письмах по поводу этой оперы, опубликованных им в «Меркурии», он, по нашему мнению, слишком пристрастно превозносил такую трактовку и, не желая признавать грубоватую здоровую естественность, лежавшую в основе древних произведений, безответственно погрешил против превосходного стиля их авторов» («Поэзия и правда», кн. 15).

С задором молодого бунтаря Гете написал и этот фарс, не имея, однако, в виду опубликовать его. Он показал его лишь нескольким друзьям. Один из них, поэт Якоб Ленц, отдал рукопись в печать.

Виланд состоял в это время воспитателем наследного принца, будущего герцога Саксен-Веймарского Карла-Августа. Будучи человеком добродушным, Виланд не рассердился на Гете, но ответил ему остроумной рецензией в своем журнале. Когда Гете переехал в Веймар, между ним и Виландом установились прочные дружеские отношения. Заслуживает быть отмеченным, что в годы веймарского классицизма Гете, создавая свою переработку античного сюжета «Ифигении в Тавриде» (см. т. 5. наст. изд.), также несколько модернизировал сюжет.

Форма фарса — беседы душ умерших в загробном мире — подсказана Гете серией диалогов между историческими лицами, сочиненных Виландом в подражание «Беседам богов» древнегреческого писателя Лукиана (II в.).

Меркурий на берегу Коцита в сопровождении двух теней. — Меркурий — бог в древнеримской мифологии, играл роль вестника у богов, почему Виланд и назвал свой журнал «Немецкий Меркурий». Коцит — река в загробном мире. Две души, перевозимые в преисподнюю, как видно из дальнейшего, — немецкий литератор и актриса.

Харон — кормчий ладьи, на которой души умерших перевозились через реку смерти в загробный мир.

Остерегайся! — Предупреждение относится не столько к богу Меркурию, сколько к журналу Виланда. В дальнейшем в тексте все время идет игра на этом.

Адмет и Алкеста — персонажи трагедии Еврипида «Алкеста». Боги обещали фессалийскому царю Адмету, что жизнь его будет продлена, если кто-нибудь согласится умереть за него. Когда он заболел, его жена Алкеста согласилась пожертвовать собой и умерла. Покровитель Адмета Геракл спускается в подземное царство и возвращает Алкесту к жизни. Виланд сделал из этого сюжета музыкальную комедию.

Аристархи — нарицательное для обозначения критиков по имени древнего ученого-филолога, жившего в Александрии. Аэды — древнегреческие поэты-певцы.

...превозносит свою «Алкесту», мою же хулит... — Виланд напечатал в «Немецком Меркурии» статьи, доказывавшие превосходство своей трактовки сюжета по сравнению с Еврипидом.

Ганимед (греч. миф.) — красивый мальчик, понравившийся Зевсу, который похитил его с земли.

Оставьте нас, милый Якоби. — Статьи Виланда о своей пьесе «Алкеста» написаны в форме писем философу и писателю Иоганну Георгу Якоби (1740–1814). Эта фраза пародирует частые в статьях Виланда риторические обращения к «моему другому Я».

Наша религия запрещает нам признавать и почитать правду, величие, добро, красоту — поскольку они не явлены ею. — Выпад против догматического христианства, отвергавшего идеалы античности как языческие и признававшего истинным лишь то, что дано как божье откровение в Священном писании.

Греческий Гермес. — Древнегреческое имя бога, называвшегося у римлян Меркурием.

...с крыльями на челе и ногах... с жезлом, увитым змеями... — Эмблема Меркурия, так его обычно изображали. Эта эмблема была также на первом номере журнала Виланда.

...статуе, хранящейся во Флоренции. — Статуя Меркурия скульптора Джованни ди Болонья (XVI в.) не имеет ничего общего с описанной выше эмблемой.

Сын Юпитера — то есть Меркурий.

...Греция осилила Ксеркса... — Имеется в виду победа над персидским царем Ксерксом (V в. до н. э.).

...когда окажется, что ваши драмы сохранили жизнь такому же множеству людей, как мои... — Плутарх рассказывает в биографии Никия, что афиняне, попавшие в плен к сицилийцам, спасали себе жизнь, если могли прочесть наизусть строки из трагедии Еврипида.

Государыня! — Здесь и в ответе Алкесты неодобрительный намек на то, что Виланд предпослал к «Алкесте» льстивое посвящение веймарской герцогине Анне-Амалии. Гете в эту пору — еще демократ и противник князей.

Парфения — персонаж, отсутствующий у Еврипида, но введенный Виландом, — сестра и наперсница Алкесты.

Филимон и Бавкида — в греческих преданиях — идеальная супружеская пара, выпросили себе у богов, чтобы смерть постигла их одновременно.

Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803) — выдающийся немецкий поэт-демократ, высоко чтимый Гете и другими писателями «Бури и натиска». Здесь имеется в виду его ода «Дафнис и Дафна», где воспеваются любящие, каждый из которых желает умереть последним, чтобы принять на себя все страдания, выпадающие на долю оставшемуся в живых.

...он принадлежит к секте и т. д. — Выпад против христианского культа загробного блаженства. Одновременно намек на сочинение Виланда «Письма умершего оставшимся в живых друзьям» (1753).

...вы потворствуете вкусам аудитории... — Намек на сочинение Виланда «Симпатии» (1756).

...комментарии к Шекспиру. — Виланд перевел двадцать две пьесы Шекспира прозой (за исключением «Сна в летнюю ночь»), опустив то, что он считал «грубостями» Шекспира; в комментариях к тексту сказались классицистские вкусы Виланда, тогда как молодой Гете отверг драматургические принципы классицизма и принял Шекспира за образец (см. его речь «Ко дню Шекспира» в томе 10 наст. изд.).

...вступает в дом... владычица мертвых... — Излагая в основном трагедию Еврипида по подлинному тексту, Гете в данной месте отступает от него. У Еврипида речь идет о боге мертвых Танатосе; царица мертвых фигурирует во французском переводе Еврипида, принадлежащем Брюмруа (1730).

Орк — Аид, преисподняя в античной мифологии.

Эскулап — бог врачевания.

...срезала ее кудри... — Древние греки при погребении отстригали прядь волос покойника.

Ну, он достаточно мал. — Виланд был маленького роста.

...если какому-нибудь шуту не понравится подпирать свой щит медведем, грифом или свиной... — Насмешка над тем, что владельцы лавок и трактиров украшали свои вывески эмблемами, как на гербах дворян.

...комментарии к Гомеру. — В поэме «Новый Амадис» (1771) Виланд весьма сдержанно отзывался о героях поэм Гомера и высказал мнение, что достоинства их преувеличены.

«За добродетель». Что значит этот девиз? — В кантате «Выбор Геркулеса» Виланд представил античного героя колеблющимся между добродетелью и пороком. Гете смеется над этим, имея в виду, что античных героев нельзя мерить нравственными понятиями христианства.

Геркулес Продика. — Продик — греческий софист V в. до н. э. Продик утверждал, что в душе Геркулеса происходила борьба между добродетелью и пороком; на это Виланд ссылался в предисловии к «Выбору Геркулеса».

...безбородый Сильвио на распутии? — Намек на героя романа Виланда «Победа природы над мечтательностью, или Похождения дона Сильвио де Розальба» (1764).

...твой Амадис — то есть герой поэмы Виланда «Новый Амадис».

...вашей религии и... — Эти слова в первом издании были вычеркнуты. Впоследствии текст был восстановлен по рукописи.

...на солону к девчонке... — Намек на похождения философов Клеанфа и Феофрона в романе Виланда «Музарион» (1768).

...исписать пять-шесть книг о том, как девчонка с холодной кровью спала с тремя или четырьмя парнями... — Ко второму изданию романа «История Агафона» Виланд добавил главы с «Историей Данаи».

Пусть говорят, что хотят. — Этими словами Виланд отвечал в «Письмах об «Алкесте» своим критикам.

А. Аникст

Примечания

1 Сборник (стихов), папка (франц.).